

Верный Трезор — эпизод 1 из 2

И премудрый был, никогда на своих не лаял, а все на чужих. Пройдет, бывало, хозяйский кучер овес воровать -- Трезорка хвостом машет, думает: "Много ли кучеру нужно!" А случится прохожему по своему делу мимо двора идти -- Трезорка еще где заслышит: "Ах, батюшки, воры!"

Видел купец Воротилов Трезоркину услугу и говорил: "Цены этому псу нет!" И ежели случалось в лабаз мимо собачьей конуры проходить, непременно скажет: "Дайте Трезорке помоев!" А Трезорка из кожи от восторга лезет: "Рады стараться, ваше степенство!.. хам-ам! почивайте, ваше степенство, спокойно... хам... ам... ам... ам!"

Однажды даже такой случай был: сам частный пристав к купцу Воротилову на двор пожаловал -- так и на него Трезорка воззрился. Такой содом поднял, что и хозяин, и хозяйка, и дети -- все выбежали. Думали, грабят; смотрят -- ан гость дорогой!

-- Вашескорodie! милости просим! Цыц, Трезорка! Ты это что, мерзавец? не узнал? а? Вашескорodie! водочки! закусить-с.

-- Благодарю. Прекраснейший у вас песик, Никанор Семеныч! благонамеренный!

-- Такой пес! такой пес! Другому человеку так не понять, как он понимает!

-- Собственность, значит, признает; а это, по нынешнему времени, ах как приятно!

И затем, обернувшись к Трезорке, присовокупил:

-- Лай, мой друг, лай! Нынче и человек, ежели который с отличной стороны себя зарекомендовать хочет, -- и тот по-песью лаять обязывается!

Три раза Воротилов Трезорку искушал, прежде чем вполне свое имущество доверил ему. Нарядился вором (удивительно, как к нему этот костюм шел!), выбрал ночь потемнее и пошел в амбар воровать. В первый раз корочку хлеба с собой взял, -- думал этим его соблазнить, -- а Трезорка корочку обнюхал, да как вцепится ему в икру! Во второй раз целую колбасу Трезорке бросил: "Пиль, Трезорушка, пиль!" -- а Трезорка ему фалду оторвал. В третий раз взял с собой рублевую бумажку замасленную -- думал, на деньги пес пойдет; а Трезорка, не будь прост, такого трезвону поднял, что со всего квартала собаки сбежались: стоят да дивуются, с чего это хозяйский пес на своего хозяина заливается?

Тогда купец Воротилов собрал домочадцев и при всех сказал Трезорке:

-- Препоручаю тебе. Трезорка, все мои потроха; и жену, и детей, и имущество -- стереги! Принесите Трезорке помоев!

Понял ли Трезорка хозяйскую похвалу, или уж сам собой, в силу собачьей природы, лай из него, словно из пустой бочки, валил -- только совсем он с тех пор иссобачился. Одним глазом спит, а другим глядит, не лезет ли кто в подворотню; скакать устанет -- ляжет, а цепью все-таки погромыхивает: "Вот он я!" Накормить его позабудут -- он даже очень рад: ежели, дескать, каждый-то день пса кормить, так он, чего доброго, в одну неделю разопсеет! Пинками его челядинцы наделят -- он и в этом полезное предостережение видит, потому что, ежели пса не бить, он и хозяина, того гляди, позабудет. -- Надо с нами, со псами, сурьезно поступать, -- рассуждал он, -- и за дело бей, и без дела бей -- вперед наука! Тогда только мы, псы, настоящими псами будем!

Одним словом, был пес с принципами и так высоко держал свое знамя, что прочие псы поглядят-поглядят, да и подожмут хвост -- куды тебе!

Уж на что Трезорка детей любил, однако и на их искушения не сдавался. Подойдут к нему хозяйские дети:

-- Пойдем, Трезорушка, с нами гулять!

-- Не могу.

-- Не смеешь?

-- Не то что не смею, а права не имею.

-- Пойдем, глупый! мы тебя потихоньку... никто и не увидит!

-- А совесть?

Подожмет Трезорка хвост и спрячется в конуру, от соблазна подальше.

Сколько раз и воры сговаривались: "Поднесемте Трезорке альбом с видами Замоскворечья"; но он и на это не польстился.

-- Не требуется мне никаких видов, -- сказал он, -- на этом дворе я родился, на нем же и старые кости сложу -- каких еще видов нужно! Уйдите до греха!

Одна за Трезоркой слабость была; Кутьку крепко любил, но и то не всегда, а временно.

Кутька на том же дворе жила и тоже была собака добрая, но только без принципов. Полает и перестанет. Поэтому ее на цепи не держали, а жила она больше при хозяйской кухне и около хозяйских детей вертелась. Много она на своем веку сладких кусков съела и никогда с Трезоркой не поделилась; но Трезорка нимало за это на нее не претендовал: на то она и дама, чтобы сладенько поесть! Но когда Кутькино сердце начинало говорить, то она потихоньку взвизгивала и скреблась лапой в кухонную дверь.